

Прошло некоторое время с тех пор, как Эвелин и Шарп покинули окровавленную площадь. Они бы простояли у трупов еще некоторое время, но состояние Кэмро начало ухудшаться.

Сам по себе он может быть и смог бы найти дорогу до хижины где жила Эвелин, но девочка, словно прочитав его мысли, снова взяла Шарпа за руку и повела за собой.

Неспешно проводив раненного убийцу до дома, а затем и до его кровати, она молча вышла из комнаты, осторожно закрыв за собой дверь. После того, как дверь защелкнулась он тихим голосом просипел:

- Стой, не уходи... — Его рука потянулась к металлической ручке от двери.

Но не успел он до неё дотронуться, как дверь снова приоткрылась.

Не теряя и секунды, его губы начали молвить одно слово за другим.

- Скажи, кто кроме тебя тут есть? Я знаю, ты тут не одна. Кто-то притащил меня сюда, обработал раны и... — про суп он решил не заикаться — ...кто все это время заботился обо мне?

Ответом ему было, лишь очередные мгновения, сжигающего душу молчания. Дверь медленно закрылась, оставив Кэмро одного, в небольшой комнате, наедине со своими мыслями.

- Чёрт... — от нарастающего чувства усталости клонило в сон, Шарп ощущал, как его медленно сковывает жар и не выдержав, плюхнулся на твердую подстилку.

После стольких дней проведенных в заключении, где каждый второй пытался его зарезать, он заслужил еще пару дней отдыха.

...

Прошла неделя, с того момента как Кэмро впервые попал на мглистый остров. На теле появились новые рубцы. Но те глубокие порезы что остались на его душе, уже никогда не заживут. Судьба не впервые танцует с ним в смертельном вальсе, где пострадавшим всегда остается лишь он.

Эвелин так и не заговорила, но она постоянно, как могла, ухаживала за Кэмро. В её глазах и действиях, совсем не виднелась забота, однако, таковая ему и не требовалась.

С каждым днём его руки тяжелели, глаза все труднее было открыть. Жар сковывал тело, не давая мыслям проникнуть в голову. Эвелин пыталась придумать способ излечить его от недуга или хотя бы облегчить страдания, но даже для такой как она, это было слишком трудно. По ночам, стоило убийце закрыть глаза, за ним приходили кошмары. Они всегда были одинаковыми. Кромешная тьма, маленькой огонёк вдаль, крики а потом снова тьма. Но он знал, это были не сны.

Но когда кошмар, в очередной раз пришел к нему, огонёк пропал а в кромешной, поглощающей душу тьме он увидел, как сама смерть вглядывается в него. Проснувшись утром после этого, особого и к счастью для Кэмро последнего кошмара, он стал чувствовать себя намного лучше. Жар прошел, осталась только боль и небольшая усталость. Убийца быстро пошел на поправку.

Два раза в день Эвелин готовила для него еду, а затем исчезала до следующего утра. Так

продолжалось некоторое время, пока Шарп наконец не смог встать твердо на ноги.

...

Раннее утро на мгlistом острове. Туман, как и всегда, окутывал как водную гладь, так и нечастые переулки в деревушке, приликая к стеклам домов. Эвелин, немного измотанная, снова стояла у каменной печи, подогревая вчерашний обед из морской капусты и камнекраба. В доме, до сегодняшнего дня, было только три портрета, лица на которых не были стерты, можно даже сказать, выцарапаны. Остался лишь один, на котом была изображена маленькая девочка с угрюмым лицом.

Эвелин наблюдала за огнём и его нежными языками пламени. Для неё, огонь был не просто инструментом для приготовления пищи, или источником света и тепла. Нет, он тоже шептался с ней, так же как и море, постоянно ворча, что не хватает древесины или что та которую она принесла ему, была влажной.

Эвелин радовалась его легкому потрескиванию, даже не смотря на то, что он был явно недружелюбно настроен, особенно, если подойти к нему слишком близко.

- Огонёк кусает, если видит, что человек с ним играет... — Она осторожно потянулась к его пламени, чтобы согреть холодные пальцы.

В гостиной послышались тяжелые шаги. Они медленно приближались к кухне, пока в проеме не показался высокий, перебинтованный мужчина в металлической маске.

- Доброе утро... — его голос, в отличии от голоса огня, был грубым и суровым, прямо как у её отца.

Но Эвелин не любила слушать людей, они всегда говорят очевидные ей вещи.

Усевшись на стул, человек в маске снова обратился к ней.

- Я наверное должен сказать спасибо... за все что ты для меня сделала...

Эвелин отвела свой безжизненный взгляд в сторону, после чего, Кэмро закашлялся и продолжил.

- Через пару дней, за мной начнется охота. — Его кулак невольно сжался — Они найдут этот остров, найду тебя и тех кто выжил... если таковые есть.

Он медленно обвел взглядом всю кухню. Небольшое раздражение, дало о себе знать. — Слушай, я не хотел, чтобы все так обернулось, правда. Мне лишь хочется отплатить тебе добром на добро. Мы можем уплыть отсюда, побывать на солнечных берегах «Санремо». Я найду тебе хороших учителей из своих знакомых, ты станешь образованной и выйдешь в свет цивилизованного общества.

И снова гробовая тишина.

Закрыв рукой отверстия для зрения на маске, Шарп тяжело вздохнул.

- Прости. Я не хотел на тебя давить...

- Эвелин... меня зовут Эвелин... — неуверенным и тихим голосом прошептала девочка, сидевшая рядом с ним.

Кэмро замер, не в силах сразу осознать произошедшее.

- Эвелин? — Его голос смягчился. В нём чувствовалась толика радости и волнение, присущее натурфилософам узревшим новую закономерность событий в природе. — Скажи мне, Эвелин. Кто еще выжил после той резни?

- Не знаю... — Опустив взгляд, девочка снова потянулась пальцами к огню.

- То есть не знаешь? — Он поймал себя на том, что неосознанно поднял на неё голос. Продержав недолгую паузу, Шарп было хотел продолжить задавать вопросы, но его взгляд зацепился за рамочку на столе. Внутри находился портрет девушки. Большая часть лица была стерта, словно по полотну прошлись наждачной бумагой. На рамочке были видны багровые пятна.

- Чей это портрет? — Сприсил Кэмро, указав на ту самую рамочку.

Но Эвелин не ответила, снова спрятав лицо от его глаз.

- Ладно, тогда такой вопрос. Почему ты не хочешь уплыть с этого острова? Тебя тут что-то держит?

Эвелин повернулась к нему. Добрая улыбка, засияла на её губах.

- Мама рассказывала мне о папе, когда он еще был им... — Шарп не совсем понял к чему это она, но прерывать не решился. — Он тоже был человеком с дальних берегов. Тоже просил её уплыть отсюда...

Она остановилась на самом важном моменте.

- Но...? — Не выдержав спросил Кэмро.

- Но как и все, он остался тут. А потом появилась я.

Эвелин пристально всматривалась в свои ноготки на пальцах. Казалось, она пыталась разглядеть в них, что-то невидимое для глаз обычных людей.

Кэмро почувствовал, как горе окутало девочку, хотя улыбка все никак не пропадала с её губ. Ему в голову пришла безумная идея.

- Если хочешь, мы можем похоронить твоих родителей. — Его губы говорили это, без его на то хотения.

- Похоронить? Что такое, похоронить?

Убийца не удивился такому вопросу. Не каждый ребенок знает, что означает это слово, но каждый столкнется с ним в будущем.

- Это... трудно объяснить на словах, но я постараюсь. Когда умирает дорогой тебе человек, внутри копится обида и злоба. Но когда ты его хоронишь, вся эта чёрная обида и злоба, хоронится рядом с ним, глубоко под землю.

«Не зря ведь говорят, о мёртвых или хорошо или ничего...»

Её улыбка стала чуть менее широкой, а в глазах появилась та самая печаль, что она по началу

скрывала от Кэро. Но поняв, что скрывать что-либо нету смысла, Эвелин решила выговориться ему.

- Папа не любил меня. А потом и мама разлюбила. Они часто запирали меня в верхней комнате, когда я много говорила. Иногда, отец бил меня, а после снова запирали в той самой комнате на ночь. Я не знаю, была ли я дорога им и были ли они дороги мне...

Кэро понимал её положение. Его детство было ничуть не лучше, но он в свое время старался изо всех сил не показывать слабину.

«Взрослые могут быть жестоки, однако и дети того времени, были не хуже.»

<http://tl.rulate.ru/book/10957/229512>